

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА

ШЁЛКОВЫЕ
ДЕТИ

Москва

Читайте исторические романы
Натальи СОЛОВЬЕВОЙ

Однажды ты узнаешь
На берегу Тьмы

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА

ШЁЛКОВЫЕ
ДЕТИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Оформление серии *Е. Куликовой*

Дизайн обложки *Я. Клыга*

Соловьева, Наталья Васильевна.
С60 Шелковые дети : роман / Наталья Соловьева. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215548-2

Озеро Комо. Дождь, туман и тишина. На заднем сиденье автомобиля находят тело восьмилетнего мальчика. Полиция никогда еще не видела такого странного и жестокого убийства...

Психолог Марго Дорфман случайно оказывается втянута в трагедию, за которой скрывается нечто большее, чем говорится в новостях. Шелковые магнаты, богатство и власть, тайны, хранимые десятилетиями, безумие, одиночество и еще один забытый мертвый ребенок.

«Шелковые дети» — роман о семейной вине, передающейся как наследство. Об уязвимости женщин и детей в мире, где шелк ценится выше правды.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215548-2

© Н. Соловьева, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

И вот ребенок мертв. У него были светлые волосы и голубые, как у матери, глаза. Ты участвуешь в выборе его имени, врешь про его прекрасное будущее, а потом убиваешь. Твои пальцы первыми чувствуют, как замирает его маленькое сердце. Тук-тук... И больше ничего. Навсегда. Ты видишь, как его розовая кожа сереет и становится почти прозрачной. Кулачки разжимаются и больше не хватаются за тебя. Ты слышишь, как истошно кричит и бьется в истерике его мать. Тот момент, когда убиваешь ребенка, остается в твоей памяти навсегда.

Глава 1

Тутовый шелкопряд на латыни — *bombyx mori* (шелковичный мотылек, питающийся тутовником). *Bombyx* — от греческого βόμβυξ, что означает шелковичная бабочка или просто шелк. *Mori* — от латинского *morus*, что значит тутовое дерево (шелковица).

Невзрачная «Тойота Ярис» была припаркована прямо под знаком «Стоянка запрещена» в городке Брунате. Шестое января, всю ночь моросил мерзкий, обычный для этих мест дождь. Ни города Комо, ни озера не было видно из-за тумана и облаков, плотно закрывавших вершину горы, на которой находились Брунате и маяк. Странный маяк на вершине холма так далеко от моря. В 5.24 утра сержанты Джузеппе Фунгини и Альберто Паццолли, патрулировавшие участок, вышли из полицейской машины. Серая «Тойота» была изрядно поцарапана, но отметины были явно несвежими. Фунгини заглянул в салон через запотевшее стекло — обычный набор: талоны за парковку, пара монет, фантики, сморщенные недопитые бутылки воды, хвойные иголки на коврике —

видимо, кто-то недавно перевозил рождественскую елку. О чистоте автомобиля не пеклись — на крыше оставались размокшие, но еще не смытые дождем птичьи фекалии. Капот был еще теплым. Но так странно — поставить машину под знаком, когда рядом полно свободных мест для бесплатной парковки. Без особой надежды сержант Паццоли попробовал открыть дверцу — и она поддалась. В «Тойоте» действительно никого не было — большой черный плед, скомканный на заднем сиденье, оказался большим черным пледом. Под ним — всего лишь тканевая, не слишком свежая обивка в жирных пятнах. Сержант Джузепе Фунгини, заранее борясь с недобрый предчувствием, открыл багажник.

Там лежал скрюченный мертвый ребенок. Мальчик. На нем были джинсы и синяя толстовка с подмигивающим Микки-Маусом. Рядом валялись кроссовки на липучках и куртка цвета хаки. На одной ноге был синий носок, а на второй — зеленый. Как странно устроен мозг — почему-то эта деталь первой бросилась в глаза Фунгини. Паццоли тут же схватился за рацию.

Руки и ноги мальчика были плотно сцеплены строительными стяжками — на тонкой коже кистей образовались гематомы. То, что ребенок мертв, было понятно сразу — синюшный цвет, окровавленное лицо... Но по правилам Фунгини попробовал нащупать пульс. Ничего.

Глава 2

В Китае шелкопряда называли «Цанъин» (蚕嬰) — «шелковичный младенец», подчеркивая его хрупкость и ценность.

Вечером шестого января в «Иль Серенио» праздновали день рождения Энцо Ферро — он всегда любил пафосные места с видом на озеро. Марго их терпеть не могла. Вид зеленоватой стоячей воды вызывал у нее панику, особенно в те дни, когда озеро было спокойным. Сейчас оно было серым, как и окружавшие его горы, — уже несколько недель лил дождь. Вода недовольно волновалась, билась о камни, словно сопротивляясь все прибывающей новой и новой жидкости.

— Если так пойдет — набережную в очередной раз затопит, — пробормотал Энцо, оторвавшись от меню. — Помнишь, что было в прошлом году? Пьяцца Кавур под водой, пробки, спасатели со своими рукавами-кишками — жуть. А почему, я тебя спрашиваю? Коррупция! Пятнадцать лет уже эту набережную роют, мэра посадили за взятки, а результата ноль. Ни стыда ни совести.

Марго краем уха слушала обычное бурчание Энцо и старалась отодвинуться подальше от панорамного окна: не смотреть на воду и сосредоточиться на еде. Она слишком уважала старика, чтобы признаться ему, что терпеть не может эти рестораны. Ее бы устроила любая закусочная в центре или ужин у Энцо дома. Но нет — тот любил таскать ее по приличным, как он говорил, местам. И места эти были, к сожалению, в основном с видом на озеро.

Чтобы отвлечься, Марго стала рассматривать посетителей и интерьер — такой же серый, как и все вокруг, минималистический, по современной моде: строгие бетонные потолки, мраморные столы и каменные стены с вкраплениями дорогих пород дерева.

За соседним столиком сидела пара. Женщина с неудачным мелированием уверенно расчленила рыжего лобстера, а ее спутник жадно глотал устричную слизь, обильно смоченную лимоном. «Как страстно», — отметила про себя Марго.

— Возьмем тюрбо на двоих? — предложил Энцо.

Марго поморщилась:

— Терпеть не могу рыбу. Извини, пожалуйста...

— Черт, вечно забываю — деменция, видишь ли... — усмехнулся Энцо. Он любил пошутить на тему своего возраста. Вообще-то Энцо было всего семьдесят, и на память он, бывший полицейский, не жаловался. Просто никак не мог поверить, что Марго все эти годы отказывается от такой вкуснятины. Может, передумает?

Но одно упоминание рыбы, этой мягкой белой плоти, пахнувшей водорослями и стоялой водой, вызывало у Марго тошноту. Она поспешила сместить тему:

— Закажу, пожалуй, миланезе, ты не против?

Энцо вздохнул: теперь вино придется брать по бокалам (белое под рыбу, красное под мясо), а он хотел торжественно открыть бутылку.

— Давай возьмем белое? — Марго поняла его. — Ты же знаешь — мне все равно.

— Знаю. Сколько ни приучаю тебя получать удовольствие от еды — все зря! Повторяю — *Dolce Vita*¹! Научись ты наконец! Мадонна! Как так можно, особенно в Италии? — снова забубнил Энцо.

Принесли бутылку *Lugana*², которую он выбрал.

Марго улыбнулась и подняла бокал:

— С днем рождения, *caro*³ Энцо! *Salute*⁴!

— Ты же знаешь, что я тебя люблю, правда? — улыбнулся Энцо.

— И я тебя люблю.

— Эх, сколько же мы с тобой знакомы?

— Кажется, лет десять.

— Двенадцать, Маргерита. Двенадцать лет назад ты приехала в Италию. И попала в мои цепкие ручонки, — хохотнул Энцо.

¹ Дословно: сладкая жизнь. Означает расслабленный образ жизни, направленный на получение удовольствий (здесь и далее прим. авт.).

² Сорт белого вина.

³ Дорогой.

⁴ Аналог «За здоровье!»

— Черт, ты же знаешь, что я ненавижу, когда меня называют «Маргерита». За двенадцать лет можно же запомнить?

Энцо рассмеялся:

— Люблю дразнить тебя, ты же знаешь. Пососедски.

Марго задело не «Маргерита», которое она и вправду не любила, а напоминание о том, что прошло уже двенадцать лет с момента ее бегства в Италию. Бегства от воспоминаний, от себя. Она могла поселиться где угодно. В любом городе, где не было бы ни озера, ни реки, ни моря — вообще никакой воды. Но она выбрала Комо. Потому что вода, эта стоячая жидкость, была ей необходима. Чтобы не забывать.

Ужин закончился. Десерт не брали — сладкого уже не хотелось. Но за кофе *un po lungo*¹ просидели еще минут двадцать. Энцо ушел «отлить» — он никогда не стеснялся в выражениях.

От нечего делать Марго смотрела на поедателя устриц, на его мокрые губы, которые он не торопился промокнуть крахмальной салфеткой, лежащей на коленях. «А он, пожалуй, ничего», — мелькнуло в голове у Марго.

Собрались уходить одновременно. Мелированная ушла вперед, а Энцо, как обычно, замешкался — любил поболтать с официантами.

¹ Espresso с бóльшим количеством воды.

Марго, поравнявшись с женщиной, спросила:

— Твоя жена?

Тот, улыбнувшись, ответил:

— Нет — подруга.

— Тогда позвони мне.

Не дожидаясь ответа, словно потеряв интерес, Марго застучала каблуками по мокрой лестнице. Она чувствовала, как мужчина рассматривает ее зад. И, конечно, не удержалась — округлила его и замедлила амплитуду. Почему нет? Марго знала, что задница у нее отличная.

Энцо догнал уже на стоянке.

— Конечно же женат.

— Знаю.

— Конечно же позвонит.

— Знаю.

— Сейчас вернется на ресепшен, сунет сотку и возьмет твой номер.

— Как-то так, да.

— Не надоело тебе?

— Энцо...

— Не мое дело?

— И правда надоело, — вздохнула Марго. — Но это... как объяснить... часть меня. Лиса не пройдет мимо курятника, так и я...

— Ладно. — Энцо похлопал ее по плечу. — Поздно уже, поехали.

Сидя в машине Энцо, его гордости — старом горбатом «Фиате-500», Марго стала скролить ленту. Ну что там может быть? Про местную футболъ-

ную команду, претензии к мэру, закрытие какого-нибудь обанкротившегося магазина... Но первый заголовок был нетипичным.

— Убит восьмилетний мальчик. Пишут, что найден в багажнике.

Энцо помрачнел:

— Мадонна! Что-то еще?

— Нет. А что?

— Ничего. Был уже один мальчик в багажнике на моем веку. Самое поганое в работе полицейского — когда убиты дети. Семейным такие дела стараются не поручать — иначе крыша может съехать.

— Но ты нашел тогда? Раскрыл дело?

Энцо промолчал. Марго поспешно сменила тему и стала корить себя: зря ты вообще решила читать новости. Ничего умнее не придумала, чем комментировать их в праздничный вечер и портить настроение старику!